

Сейчас Тан Юэ остался без менеджера. Если бы Линь-цзе всё ещё была рядом, как в те годы, она, наверное, снова мучилась бы от головной боли.

Цзян Шулюй взглянул на Тан Юэ, который сидел в машине и отвечал на комментарии, и спросил:

— Так говорить можно?

Тан Юэ смотрел не на страницу «Вэйбо», а на интерфейс «Вичата» — он явно с нетерпением ждал, что скажет Тан Мянью про гамбургер с яйцом.

Раньше они с Тан Мянью вообще не расставались, да и сам мальчик считал, что телефон ему ни к чему.

Но теперь дядя Яо Лисинь купил Тан Мянью мобильный, и, наконец, не нужно было больше выступать в роли посредника. Правда, чтобы быть справедливым, пришлось и племяннику тоже купить самый свежий флагман.

Видимо, Яо Лисинь слишком увлёкся жалобами, и Лю Сичао тут же переслал скриншот их личной переписки в общий чат, специально отметив Цзян Шулюя:

«Если ты не купишь — найдутся другие, кто купит».

— Какая проблема? — спросил Тан Юэ.

В следующую секунду он понял:

— А, ты про мой ответ фанатам?

Он повернулся к Цзян Шулюю:

— Разве разве не хочешь со мной переспать?

Цзян Шулюй промолчал. Тан Юэ слегка наклонил голову:

— Я не имел в виду... Ой...

Ему стало неловко, взгляд забегал, пальцы машинально стучали по экрану, и он пробормотал:

— Сяомье совсем не думает обо мне...

— Правда не думает? — спросил Цзян Шулюй.

— Правда-правда.

Даже если и думает — надо делать вид, что нет. Иначе это будет... слишком дерзко, разве нет?

В салоне было темно, но уличные фонари за окном ярко светили.

Тан Юэ не замечал, что его покрасневшие уши отлично видны Цзян Шулюю.

— А если я думаю? — спросил тот.

— А?! — Тан Юэ инстинктивно обернулся и встретился взглядом с Цзян Шулюем.

— Это... правда? — запнулся он.

Цзян Шулюй придвинулся ближе:

— Сяо Юэ, правда не думаешь?

Видимо, такое ощущение было для него новым, и он начал злоупотреблять моментом:

— Может, я что-то делаю не так?

— Н-нет! — поспешно ответил Тан Юэ. — Капитан, ты просто замечательный!

— Тогда что именно тебе во мне не нравится?

Этот вопрос был уже откровенно провокационным.

— Ты меня дразнишь! — воскликнул Тан Юэ.

Цзян Шулюй рассмеялся и кивнул:

— Разве не ты этого хотел?

У Тан Юэ всё тело будто вспыхнуло. Он и представить не мог, что Цзян Шулюй способен на такое.

Похоже... немного испортился.

Но Тан Юэ не мог удержаться — снова посмотрел на него.

Лицо, о котором он так часто мечтал, теперь было совсем рядом, и произносит слова, от которых у Тан Юэ мурашки побежали по коже.

Под таким влиянием он даже забыл про ожидание сообщения от Сяомье и просто обнял Цзян Шулюя.

— У господина Тан Юэ есть ещё какие-нибудь приказания? — спросил тот.

Его голос звучал иначе, чем обычно — не так гордо и сдержанно, а с лёгкой, почти интимной нежностью, от которой у Тан Юэ голова пошла кругом.

— Есть, — ответил он. — Давай скорее домой.

— Так быстро? — удивился Цзян Шулюй. — Мы ведь ещё не ужинали. Ты же сам говорил, что хочешь съесть утку с каштанами.

Тан Юэ махнул рукой:

— Мне просто хочется домой и переспать с тобой. Что, нельзя?

Обычно он молчалив, но стоит его немного подразнить — и он сразу оживает. Вот и сейчас, сердито сверкая глазами, добавил с вызовом:

— Это ведь ты сам намекнул!

— Где я намекал? — усмехнулся Цзян Шулюй.

— В том доме ты же так меня поцеловал!

— Это ты первым поцеловал меня.

— Я просто вытирал тебе слёзы!

— Кто так вытирает слёзы? — рассмеялся Цзян Шулюй.

— У меня не было салфеток!

— А фанатке только что протянул целую пачку.

Цзян Шулюй всегда был человеком, которого не проведёшь. Когда-то Яо Лисинь попытался сбежать с тренировки — Цзян Шулюй заставил его отработать вдвое больше. Даже внешне послушный и мягкий Лю Сичао не смог ничего добиться своим капризным нытьём.

А Тан Юэ после «аварии» остался ослабленным — сколько ни занимайся, выносливость так и не вернулась полностью. Врачи называли это возможным последствием травмы.

Поэтому, когда Тан Юэ говорил, что «не может больше тренироваться», Цзян Шулюй не ругал его, но минимальную норму всё равно требовал.

Тан Юэ не мог ни лениться, ни халтурить — малейшая неточность в движениях означала, что всё упражнение придётся начинать сначала.

А учитывая, что к Цзян Шулюю у него давно таились невысказанные чувства, каждое совместное занятие в студии превращалось в пытку: сердце колотилось, а лицо оставалось невозмутимым, хотя руки и ноги металась совершенно нелепо.

Лю Сичао, стоя за стеклянной дверью, как родитель, пришедший забрать ребёнка из садика, шептал Яо Лисиню:

— Жестоко! Если Тан Юэ так на меня моргнёт, я готова его поцеловать до смерти.

— Неужели материнский инстинкт у тебя переродился? — спросил Яо Лисинь.

— Конечно нет!

— А у капитана не отцовский ли инстинкт испортился?

— Даже если и так — это одностороннее чувство. Посмотри, как Тан Юэ его боится.

Но теперь Тан Юэ уже не боялся. Те невысказанные чувства были раскрыты, и он с удовольствием наслаждался теплом от близости с Цзян Шулюем.

И даже без наставника научился кокетничать:

— Просто хочу попробовать, как показывают в сериалах...

— Поцелуем смахнуть мои слёзы? — догадался Цзян Шулюй.

Самому стало неловко от такой сентиментальности, и он тихо вздохнул.

Тан Юэ обиделся:

— Если не нравится — можно было просто оттолкнуть меня.

— Как я могу тебя оттолкнуть? — Цзян Шулюй взял его за руку, наклонился, чтобы пристегнуть ремень безопасности, и вдруг поцеловал тыльную сторону ладони: — Я без ума от тебя.

— Да, — кивнул Тан Юэ. — Вчера ты тоже так меня поцеловал.

Он даже задумчиво добавил:

— И в первый раз тоже.

— Прости, тогда... — начал Цзян Шулюй.

Но Тан Юэ перебил:

— Странно... Может, потому что прошло пять лет, но мне кажется, первый раз запомнился особенно ярко...

Цзян Шулюй промолчал.

Тан Юэ продолжал сравнивать, и в его глазах появилось то самое сосредоточенное выражение, с которым он когда-то учился играть на пианино.

Цзян Шулюй не знал, смеяться ему или злиться.

Машина ехала к тому самому заведению с уткой и каштанами, о котором Тан Юэ постоянно мечтал во время туров. Цзян Шулюй краем глаза наблюдал, как Тан Юэ смотрит в окно — настроение у него явно было прекрасное.

За окном свистел холодный ветер, но Тан Юэ не обращал внимания — позволял ему ласкать щёки, словно наслаждался этой простой, естественной свежестью.

Цзян Шулюю невольно подумал: та самая звезда 9787, которую невозможно найти ни в одном

каталоге, — находится ли она в том же пространстве-времени, что и он сейчас?

Может, она вообще в другом конце галактики — в миллионах световых лет отсюда... или даже в другую эпоху, отделённую миллионами лет.

В этот момент раздался звонок — видеосвязь от Тан Мяня.

Тан Юэ радостно крикнул:

— Сяомье!

Он поднял телефон повыше, чтобы лучше разглядеть фон у сына.

— Ты почему ещё на улице?!

— Мы с дядей Яо гуляем! — весело ответил Тан Мянью. — В парке так классно! Пап, а ты там бывал?

Тан Юэ не успел ответить, как вмешался Яо Лисинь:

— На девятнадцатый день рождения твоего папы твой Цзян-шушу арендовал весь парк на целый день!

— Разве это не компания организовала? — удивился Тан Юэ.

Яо Лисинь рассмеялся:

— Компания устраивает встречи с фанатами. Не веришь — спроси у того парня рядом с тобой.

— Какого «того парня»? — нахмурился Тан Юэ. — Эр-гэ, ты...

— Спроси у своего мужчины, — перебил Яо Лисинь, уже смеясь ещё громче.

Тан Юэ промолчал.

— Сяо Юэ, ты слишком стеснительный, — продолжал Яо Лисинь. — Учись у Лю Сичао. Он такой бойкий! Всё равно вам потом за одним столом есть... Хотя стоп — капитан ведь уже порвал с семьёй Цзян...

— Я не порвался с дядей, — спокойно сказал Цзян Шулюй. — Мы с Тан Юэ можем спокойно приходить на семейные ужины. А ты?

— Эй! — возмутился Яо Лисинь. — Так нельзя нападать! Ладно, если совсем припечёт — пусть Сяомье назовёт меня крёстным отцом, тогда у меня будет законное основание...

— Нет, — твёрдо сказал Цзян Шулюй. — Дядя и есть дядя.

— А ты разве не Цзян-шушу? — парировал Яо Лисинь, прекрасно зная ответ, но всё равно поддразнивая.

Тан Мянью в это время спокойно сидел и ел сахарную вату, даже чокнулся ею с клубничной ватой Яо Сюаньюй — и они, конечно, слиплись.

— Капитан тоже папа Сяомье, — сказал Тан Юэ.

Яо Лисинь сделал вид, что не слышал, и надулся:

— А почему я не могу?

Его актёрское мастерство было настолько плохим, что даже на съёмках клипов режиссёр ругал его последними словами, но этого хватило, чтобы запутать Тан Юэ.

— Потому что капитан — папа Сяомье! — заявил тот с такой серьёзностью, что Яо Лисинь не выдержал и расхохотался:

— Ладно-ладно, понял. Об этом поговорим позже.

Он вернул телефон Тан Мянью:

— Твой папа ждёт твоего важного заявления о гамбургере с яйцом.

Купленный Яо Лисинем телефон оказался таким большим, что ребёнку приходилось держать его двумя руками — а уж с сахарной ватой вдобавок и вовсе неловко.

Поэтому вату держал Яо Лисинь, а Тан Мянью, лизнув её, проговорил:

— Пап, когда ты привезёшь мне тот гамбургер с яйцом, который выкладывал? Кажется, он такой вкусный...

— А сахарная вата вкусная? — спросил Тан Юэ.

Цзян Шулюй не сдержал смеха.

Тан Юэ бросил на него взгляд. Цзян Шулюй прикусил губу, но внутри у него пронеслась целая гроза самых нежных мыслей.

— Вкусная! — ответил Тан Мянью. — Пап, ты точно пробовал?

Яо Лисинь не упустил возможности:

— Твой папа даже участвовал в конкурсе поедания сахарной ваты!

— Правда?! — удивился Тан Мянью. — Пап, ты умеешь делать сахарную вату?

Тан Юэ замолчал.

— Он участвовал в конкурсе по поеданию, — пояснил Цзян Шулюй.

Этот эпизод до сих пор остался в сети и даже попал в десятку самых драматичных новостей группы Away.

Тан Юэ явно не хотел вспоминать, как чуть не зарылся лицом в вату, и поспешно сменил тему:

— Сяомье, ты не скучаешь по папе?

Он умел так трогательно нежничать с сыном, что границы «отец-сын» будто перевернулись. Цзян Шулюю стало горько-сладко на душе.

Его врождённое чувство ответственности постоянно напоминало о потерянных пяти годах. Даже если Лян И писал в «Вичате», что Тан Юэ не остался без присмотра, Цзян Шулюй всё равно чувствовал вину.

Слишком многое произошло случайно... Но, по крайней мере, сейчас ещё не слишком поздно.

— Ай-яй! — воскликнул Тан Мянью. — Раз ты уже с Цзян-шушу, зачем так ко мне липнешь?

Тан Юэ чуть не расплакался:

— Ты разве разлюбил папу?

— Ну что ты! — фыркнул Тан Мянью и сам перешёл в наступление: — Цзян-шушу плохо к тебе относится? Поэтому ты так по мне скучаешь?

Слышно было, как Яо Лисинь давится от смеха.

— Нет-нет! Он ко мне отлично относится! — поспешил заверить Тан Юэ.

— Тогда не надо так сильно скучать по мне, — мудро изрёк Тан Мянью. — Думай лучше о Цзян-шушу.

Рядом сидевший Яо Сюаньюй тихо спросил:

— Но разве они не вместе? Зачем им тогда скучать?

Тан Мянью почесал затылок:

— В книгах папы так написано.

Машина как раз подъехала к ресторану с уткой и каштанами. Цзян Шулюй остановился и услышал эти слова. Он повернулся к Тан Юэ.

Тот чуть не закричал от ужаса:

— Сяомье! Тебе всего пять лет! Как ты вообще читаешь мои книги?!

— Нельзя? — удивился Тан Мянью. — Это же сборник стихов! Ты сам говорил, что мне можно читать стихи!

Тан Юэ облегчённо выдохнул.

Но тут же встретился с насмешливым взглядом Цзян Шулюя.

— Нет! — воскликнул он.

— Я ведь ничего не сказал, — улыбнулся тот.

Тан Мянью между тем спросил:

— Пап, ты там надолго? Дядя Яо говорит, что скоро мы снова соберёмся все вместе.

Тан Юэ посмотрел на Цзян Шулюя.

Тот кивнул:

— Завтра Тан Юэ едет в Чэнкун — будет подписывать контракт.

— Ух ты! — воскликнул Яо Лисинь. — Наш Сяо Юэ возвращается?!

Тан Юэ кивнул:

— Надо зарабатывать на семью.

Тан Мянью не совсем понял, посмотрел на Цзян Шулюя за рулём, на улицу за спиной, и спросил:

— Разве родители Цзян-шушу против того, что вы вместе?

Тан Юэ не знал, что ответить.

Да, против. Но это не так важно.

— Им не нужно соглашаться, — сказал Цзян Шулюй. — Помнишь, Сяомье, что я говорил в кабинке канатной дороги? Ты и твой папа — самое важное для меня.

Тан Мянью кивнул и спросил Тан Юэ:

— А наш дом? У меня там ещё куча игрушек... Мы переезжаем?

— Мы будем жить с Цзян-шушу, — ответил Тан Юэ. — Ты рад?

— Конечно! — обрадовался Тан Мянью. — Тогда я наконец буду спать один!

Тан Юэ: ...

Сердце заныло.

Цзян Шулюй рассмеялся:

— Тебе не нравится спать с папой?

Тан Мянью наконец получил шанс пожаловаться:

— Папа ночью всё время щипает меня, уши аж горят!

Яо Лисинь про себя подумал: «Теперь появился ещё один большой щипач».

— Раньше я так не делал! — возмутился Тан Юэ. — Просто ты слишком мил!

Он обожал своего ребёнка всем сердцем — это чувствовали и окружающие, и зрители в прямых эфирах.

Их связь выходила за рамки обычных отцовско-сыновних отношений, но при этом была глубокой и невероятно умиротворяющей.

— Всё равно теперь ты будешь спать с Цзян-шушу, — заявил Тан Мянью. — Можешь щипать его за уши.

Лицо Тан Юэ покраснело до корней волос:

— Я не такой человек...

Хотя, честно говоря, ночью он уже успел это сделать.

Цзян Шулюй смеялся от души — впервые за долгое время он по-настоящему расслабился.

Раньше, общаясь с Тан Юэ, он ощущал ту особую чистоту, что исходила от его натуры — она сметала с Цзян Шулюя всю тяжесть семейных обязательств и делала его просто капитаном группы Away.

А теперь Тан Юэ будил в нём острое желание остаться — здесь и сейчас.

И, возможно, ещё кое-что.

Это было похоже на то чувство, которое он испытал однажды в детстве, живя в чердачной комнате старого переулка: соседская бабушка пригласила его на ужин, и он случайно оказался среди чужой семьи за вечерней трапезой. В тот момент в нём вспыхнула зависть — к обыденному счастью, где каждый день тебя ждут за столом.

И сейчас он ясно осознал:

он получил это счастье.

<http://bllate.org/book/16057/1605965>